

АЛЕКСАНДРОВСКАЯ КОЛОННА МЕЖДУ ВЛАСТЬЮ И СВОБОДОЙ

УДК: 72.03
ББК: 85.11

Стеклова Ирина Алексеевна

кандидат искусствоведения, доцент,
Пензенский государственный архитектурно-строительный университет,
Пенза, Россия, e-mail: i_steklo60@mail.ru

Аннотация

Автор статьи делает попытку осуществить герменевтическую реконструкцию мифа на основании отражений одного из эпизодов истории Санкт-Петербурга в литературе и изобразительном искусстве. Показано, как Александровская колонна, став формальным и сакральным центром режиссируемых ритуалов на Дворцовой площади, активизировала массовый энтузиазм населения. Понимание жанра ритуалов, обыгрывающих эстетику архитектурного пространства, выводит к пониманию жанра мифологии власти, осмысляющей свой триумф в истории страны и мира. Через освоение ампира мифология власти обозначила себя как жанр, эпос всемирного мессианства. В то же время обстоятельства возведения Александровской колонны провоцировали романтизм на сопротивление внедряемой идеологии. В частности, они стали поводом для пушкинского стихотворения о «памятнике», которое говорило о свободе и объединяющей власти слова. В ответ на мессианство имперского миропорядка с его мифологическими ритуалами рождалась протестная мифология романтизма – мифология свободы.

Ключевые слова

архитектурное пространство Санкт-Петербурга, миф Санкт-Петербурга, романтизм, А. С. Пушкин

В силу обстоятельств истории образ Санкт-Петербурга имеет наиболее стабильную эстетическую репутацию среди прочих русских городов. Санкт-Петербург тождествен своей архитектуре, архитектурному пространству. Поэтому феноменология архитектурного пространства, возраст которой совпадает с его возрастом, может считаться титульной. С начала XVIII в. поэты и художники, по убеждению Дж. Ван ден Берга, «прирожденные феноменологи» [3], занимаются интерпретациями идейного содержания архитектурного пространства столицы, а с конца XX в. историки, философы, культурологи, искусствоведы интерпретируют эти интерпретации. На самом деле, все они – независимые соавторы коллективного вымысла, доведенного «до предельного обобщения» [15] символа, который «разрастается настолько, что приобретает сюжет» [2] и возбуждает «аудиторию на сотворчество» [16]. Речь об особом формате самосознания истории, отбрасывающей от себя молву правдиву [29]1, как несоразмерную тень, на свободу самовоспроизведения. Города наживают мифологию постепенно: ее накапливает время, фильтрует культура, корректирует идеология. Санкт-Петербург – редкий пример урбанистической реальности с синхронным себе мифом. Время и среда меняли миф, стиль и жанр, конкретизирующий, по Г. Гункелю, его «место в жизни» [19], но, как писал Ю. М. Лотман, ситуация искусственного города оставалась «исключительно мифогенной» [17]. Не снижающаяся мифогенность мотивирует поиск ее объективных оснований и выводит в архитектуру. Парадоксально, но роль архитектуры в сотворении и бытовании мифа Санкт-Петербурга, несомненная для всех, не составила самостоятельной проблемы для науки об архитектуре. Проблема смыслов архитектуры, образуемых в мифе Санкт-Петербурга, выдвигается во главу настоящей статьи.

К мифу, владеющему смысловыми структурами архитектуры, как к способу построения картин мира обращались в своих работах Э. Гуссерль, Э. Кассирер, К. Хюбнер, К. Леви-Строс, Р. Барт, К. Юнг, М. Элиадэ и др. Феноменологии мифа, который не ставит, а снимает проблемы в этих «первопространствах видения» [21], посвящены труды наших соотечественников: И. А. Ильина, А. Ф. Лосева, В. В. Налимова, А. М. Пятигорского, В. А. Подороги, В. К. Кантора, Ю.

С. Осаченко и т.д. Феноменология мифа, осмысляющего образы Санкт-Петербурга, – особая традиция, лицо которой определило несколько поколений мыслителей – от В. Ф. Одоевского и Н. В. Гоголя до Н. А. Бердяева, Г. П. Федотова, В. В. Вейдле, Ф. А. Степуна. Во второй половине XX в. извлечение «представлений, задающих смысловое пространство, в котором происходит интерпретация главных составляющих истории города, его архитектурной среды и культурных традиций» [5], продолжили Н. П. Анциферов, М. С. Каган, К. Г. Исупов, Г. С. Лебедев, И. И. Евлампиев, Л. Н. Столович, М. С. Уваров и др. Их интересы обусловили тематику альманахов и сборников: «Феномен Петербурга», «Метафизика Петербурга», «Парадигма», «В лабиринтах культуры», «Москва – Петербург: pro et contra», «Санкт-Петербург как эстетический феномен», «Символы, образы, стереотипы: художественный и эстетический опыт» и т. д. Усилия данной традиции отданы идентичности самосознания, которое отличают «сковывающие клише петербургской темы, замкнутость рефлексии, воспринимающей свой предмет а priori как нечто глубоко автономное, не имеющее родовых связей с иными живыми образованиями в сфере материальной культуры и духовной жизни» [4].

Миф города порождает «согласие во взгляде» [22], в том числе профессиональном. Наиболее полный анализ живописных и графических образов Санкт-Петербурга дан в работах Г. С. Каганова [11]2, а также С. С. Степановой, О. С. Евангуловой, Г. Ю. Стернина, В. В. Бычкова и др. Однако солидарное видение, подразумевающее общий «шлейф ассоциаций» [18], субъективируется, в конце концов, словом. Закономерно, что в словоцентричной культуре принципиальное значение для «ментального комплекса» [6], бытующего письменно и устно, имеет активность филологии, благодаря которой, например выражение Б. Л. Пастернака «мистический урбанизм» [8] вошло в оборот архитектуроведения. Самая масштабная систематизация литературных интерпретаций архитектурного пространства Санкт-Петербурга представлена в «петербургском тексте» В. А. Топорова и его соратников, теоретическом конструкте, который вписывается «не в историю Петербурга и даже не в историю русской литературы, а в историю русской национальной идеи и в историю русской историософии» [12]. Посылком для собирания мозаики «петербургского текста» стала постановка вопроса: почему именно этот город «имплицитно свои собственные описания с несравненно большей настоятельностью и обязательностью, чем другие сопоставимые с ним объекты описания (например, Москва), существенно ограничивая авторскую свободу выбора»? [36]. Многоуровневый анализ всевозможных источников показал, что первостепенной для мифа Санкт-Петербурга является феноменология, добытая в предельной смысловой компрессии поэзии, начиная с сочинений А. С. Пушкина.

Контакты первого поэта России с архитектурой Санкт-Петербурга, зафиксированные эмпирически и художественно, замечания по сути этих контактов в их преемственности, изменчивости, парадоксальности, рассматривались основоположниками безбрежной пушкинистики, включая Б. В. Томашевского, В. В. Виноградова, М. П. Алексеева, С. М. Бонди, Н. В. Измайлова, В. М. Жирмунского, Б. Л. Модзалевского, М. А. Цявловского, Г. А. Гуковского, Н. В. Измайлова. Прямое отношение к мифу, перенявшему хрестоматийные ракурсы восприятия набережной Невы, Невского проспекта, Коломны, Петровой площади с памятником Петру I, Александровской колонны и т.д., имеют работы А. А. Ахматовой, В. В. Набокова, В. Э. Вацура, С. А. Фомичева, С. Г. Бочарова, М. Н. Виролайнен, Р. Д. Тименчика, А. К. Жолковского, А. Н. Архангельского и др.

Наконец, проблему смыслообразования в тех или иных объектах архитектуры не обошел ни один из ее серьезных теоретиков. Как заметил В. Ф. Маркузон, поиск идейных опор и целей зодчества, «стремление раскрыть значение архитектурных форм можно проследить еще у Витрувия, в трактатах Возрождения, в “Беседах об архитектуре” Виоле Ле Дюка» [20]. При этом к авторитету писателей и поэтов прибегали А. В. Иконников, И. А. Азизян, В. Л. Глазычев, Е. А. Борисова, Е. И. Кириченко, Д. О. Швидковский, И. А. Добрицына, И. А. Бондаренко, М. В. Нащокина и т. д. Только если оптика изобразительного искусства задействована в центре

современного архитектуроведения, оптика литературы – всего лишь на периферии. Даже А. В. Иконников, признававший, например, что русское зодчество во второй четверти XIX в. выпало из обоймы государственных приоритетов, уступив литературе, верифицировал утопические и прагматические интенции архитектуры без ее посредничества [9].

Цель настоящей статьи: объективировать смыслы архитектурного пространства в мифе Санкт-Петербурга. В заданном объеме она может претвориться фрагментарно, на ограниченном, но уплотненном материале. Например, если архитектурное пространство будет локализовано Дворцовой площадью, а миф Санкт-Петербурга – текстами и картинками, связанными с возведением Александровской колонны, в число которых входит шедевр национальной культуры, стихотворение А. С. Пушкина «Памятник».

Для достижения цели необходимо:

- 1) произвести герменевтическую реконструкцию мифа по изобразительно и литературно запечатленной истории возведения Александровской колонны на Дворцовой площади;
- 2) найти отношение архитектурного пространства к жанру ритуалов по возведению Александровской колонны;
- 3) проявить тенденции образования смыслов архитектурного пространства в процессе возведения Александровской колонны.

Герменевтическая реконструкция мифа – это истолкование его смыслов путем погружения в культурно-историческую среду. В данном случае на платформе герменевтики, для которой важно понять пересечение реального мира и мира интерпретаций, в частности опыта и языка интерпретатора, истолкование ведется аналитическими и феноменологическими методами [34].

Современная наука об архитектуре обратилась к феноменологии, когда ей потребовалась помощь в словесной самопрезентации, в определении экзистенциальной цели своего предмета, обнаруженной К. Норбергом-Шульцем «в том, чтобы побудить территорию стать местом, то есть раскрыть значения, потенциально представленные в данной среде» [13]. Принцип беспредпосылочного познания, огражденного от вмешательства банальных допущений, введенный И. Г. Ламбертом и И. Кантом и получивший интенсивное развитие в положениях Э. Гуссерля и его последователей, оказался по отношению к зодчеству продуктивным. Вклад в феноменологическую традицию с этой стороны внесли К. В. Кияненко, Ю. П. Волчок, П. В. Капустин, С. С. Ванеян, С. А. Смирнов, Л. Е. Трушина и т. д. Последовательным проводником феноменологических погружений в самоочевидные смыслы архитектуры остается А. Г. Раппапорт [33]. Примеры его рассуждения, а также идеи А. В. Иконникова и междисциплинарные опыты И. А. Азизян [13] с сопряжением искусствоведческого, архитектуроведческого, культурфилософского, филологического и феноменологического подходов стали опорой для построения настоящей методологической модели. Предполагается, что исторический эпизод, определенный в конкретном пространстве и конкретном времени, может быть реконструирован в формате мифа, поскольку литературные и живописно-графические интерпретации архитектурного пространства как первостепенная феноменология мифа могут объективироваться изнутри верифицируемых процедур. Что достижимо, если феноменология текстов и синхронной ей иконографии ложится на ретроспективу историко-архитектурного и формально-композиционного анализа архитектурного пространства, центрируясь в самых чувствительных точках времени, вокруг государственной идеологии и романтизма.

Взаимодействие истории и мифа, обеспечивающего «историческую преемственность» [32], осуществляется с участием архитектуры. Если идея есть идеальный проект, вписанный в историю как догма или импульс спонтанного смыслообразования, то идеология – методичная практика идеи, на воплощение которой бросается градостроительный масштаб. Созидаемое на глазах архитектурное пространство служит веским аргументом в пользу верности прокладываемого идеологического курса. Материализующая себя идеология хочет быть и становится мифологией, связной плотью мифа, который срачивает идеи и реалии истории, то сопрягая, то гипертрафируя ее кривизну.

Рис. 1. Л. П.-А. Бишбуа, А. Ж.-Б. Байо, с оригинала О. Монферрана. Переправа Александровской колонны. 1836. Источник: <http://coollib.com/b/285949/read>

Возведение Александровской колонны на Дворцовой площади в эспланаде центральных площадей Санкт-Петербурга стало самопрезентацией идеологии империи как целенаправленно творимой мифологии с присущими ей атрибутами. В 1832–1834 гг. город был захвачен практически сериальным действием по монтажу восклицательного знака мирской власти [35]. Очередность ритуалов обыгрывала сакральное число, 30 августа, именины покойного государя, крещеного в честь святого князя Александра Невского: церемония подъема назначалась на 30 августа 1832 г., освящения – на 30 августа 1834 г., сто десятую годовщину переноса из Владимира в Санкт-Петербург мощей Александра Невского. Жители города оказались в ситуации спланированного ожидания. Сначала следили за тем, как ценой невероятных усилий доставлялись гигантские монолиты и камни для фундамента. Потом – за их выгрузкой, за закладкой фундамента, за строительством деревянной платформы с наклонной плоскостью, чтобы затащить и прицельно опустить на фундамент громадный пьедестал. Далее пришлось наблюдать за возведением еще большей платформы, вровень с пьедесталом, для подката колонны, а также гигантских лесов для ее подъема. Пушкин видел это почти ежедневно, бывая в архиве Министерства иностранных дел, в здании Генерального штаба (рис. 1–4).

Подъем Александровской колонны начался в присутствии императора. С помощью системы канатов, блоков и кабестанов гладкий темно-красный цилиндр подхватили, повернули и аккуратно поставили на пьедестал. Согласно режиссуре, зрелище, собравшее тысячи сочувствующих, продемонстрировало единение нации. Народом была забита не только площадь, но и впадающие в нее улицы, окрестные дома, крыши, включая крышу Генерального штаба.

Разумеется, художники под предводительством Монферрана обозначили собственный интерес в истории с памятником, подробно увековечив для потомков ее этапные мгновения (рис. 5). Однако, судя по распространению непарадных изображений, динамичные трансформации в центре столицы имели самостоятельное значение. Ощущение причастности к эпическому

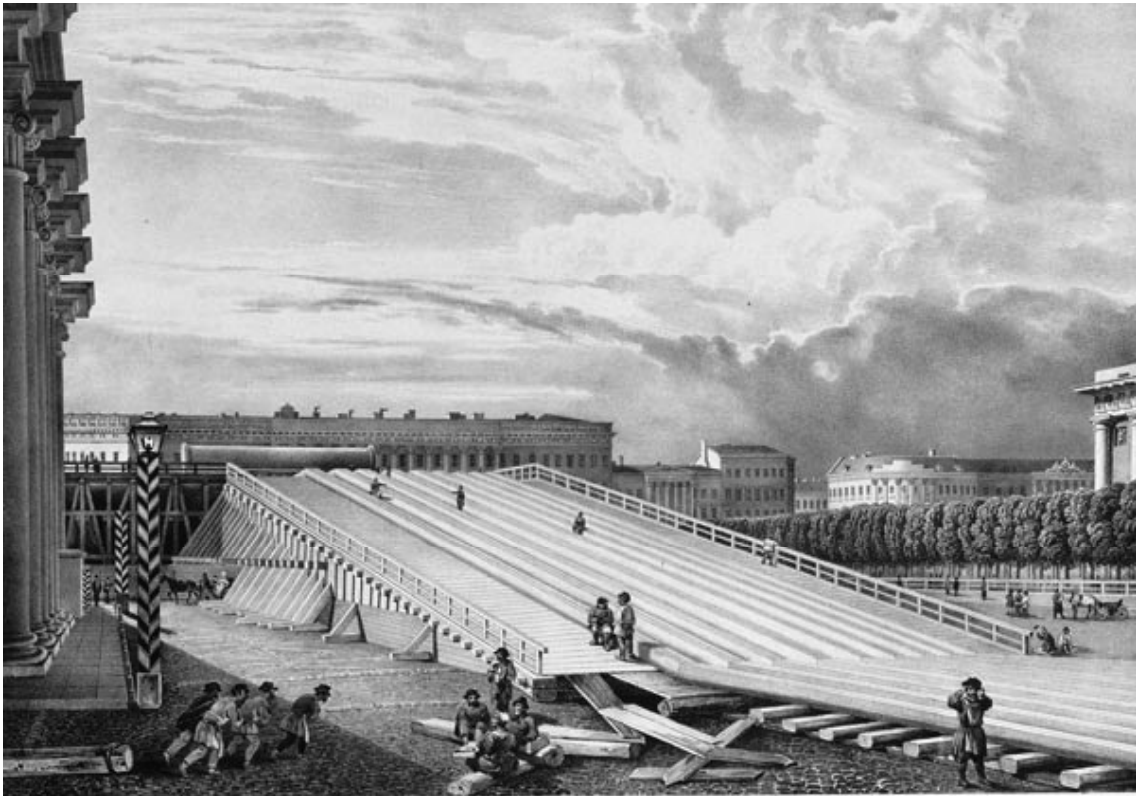

Рис. 2. Л. П.-А. Бишбуа, А. Ж.-Б. Байо, с оригинала О. Монферрана. Подкат Александровской колонны. 1836. Источник: <http://coollib.com/b/285949/read>

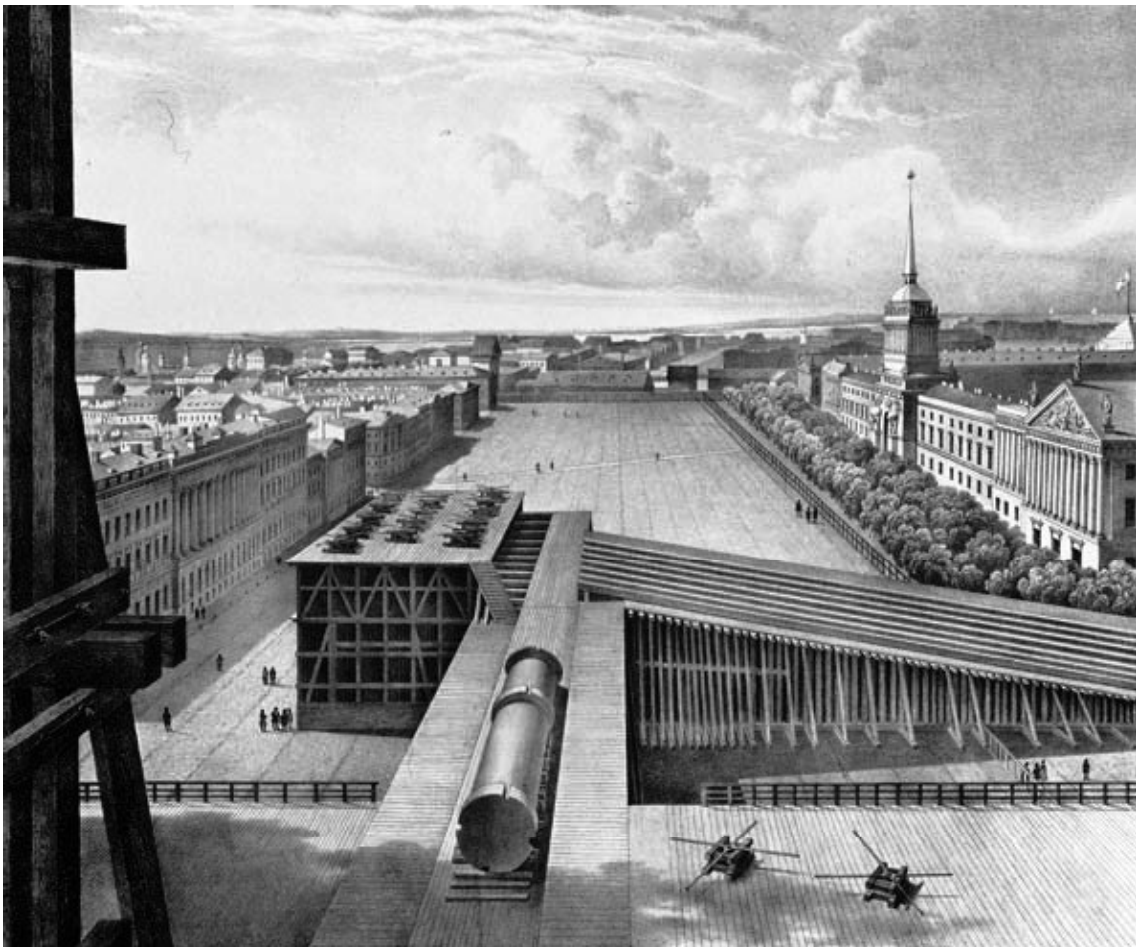

Рис. 3. Л. П.-А. Бишбуа, с оригинала О. Монферрана. Фрагмент лесов для подъема колонны. 1836. Источник: <http://coollib.com/b/285949/read>

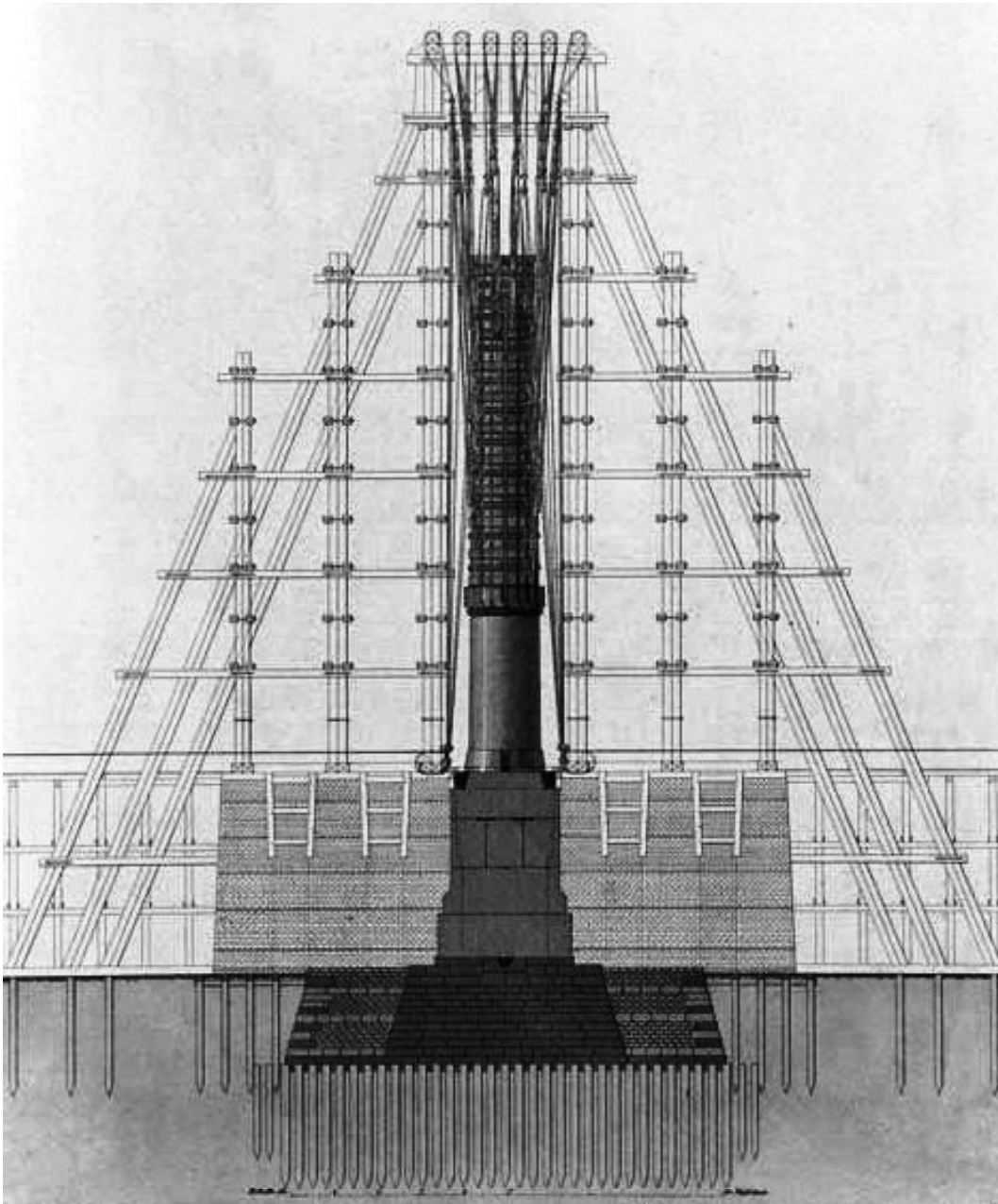

Рис. 4. Ру, с оригинала О. Монферрана. Конструкция гранитного пьедестала и лесов с каменным основанием для установки колонны.1836. Источник: <http://coollib.com/b/285949/read>

созиданию витало над окрестностями Дворцовой площади и неоднократно проявляло себя до окончания строительных работ. Объект, ставший сакральным смыслом и формальным центром державного преобразования площади и ансамбля площадей, вдохновлял романтиков в процессе самого строительства, например, А. Г. Денисова и Г. Г. Гагарина (рис. 6, 7). Он завораживал вне степени готовности, будучи реальным доказательством вертикальной власти над горизонтальным миром. Г. Г. Чернецов представил эту власть в обозримом архитектурном пространстве, осилив три части головокругительной «Панорамы Дворцовой площади, снятой с лесов Александровской колонны» (рис. 8–10):

*И гордый холм возвысился — и царь
Мог с вышины с весельем озирать
И дол, покрытый белыми шатрами,
И море, где бежали корабли [30].*

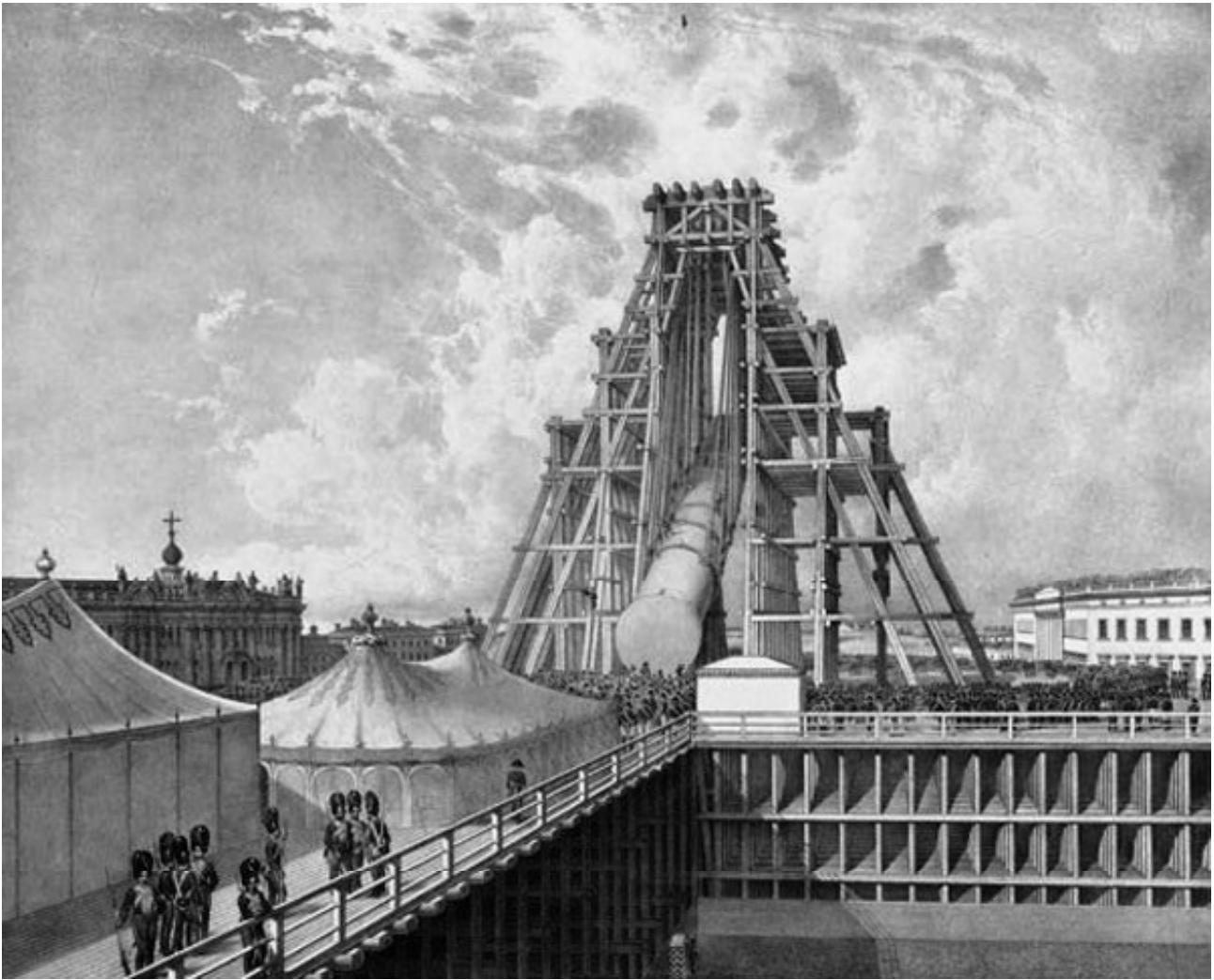

Рис. 5. Л. П. -А. Бишбуа, А. Ж. -Б. Байо, с оригинала О. Монферрана. Вид подъема Александровской колонны со стороны Зимнего дворца. 1836. Источник: <http://coollib.com/b/285949/read>

Освящение Александровской колонны состоялось под барабанную дробь грандиозного военного парада, запечатленного в текстах и на картинах. Обратившись к эпическому полотну В. Е. Раева, Г. З. Каганов увидел, что «безупречные каре войск выстилают площадь, будто ровные плиты камня. Человек словно минерализовался, омертвел в гигантской пустоте, которая располагает покорный материал по своему произволу, выстраивает по своим силовым линиям.

Зрелище поражает своим сверхчеловеческим – и потому бесчеловечным – величием. Какая-то общая губительность слишком большого и открытого городского пространства остро переживалась тогда художественным сознанием» [10] (рис. 11). Если художники переживали «общую губительность» пространства, то азартно, соревнуясь в захвате как можно более протяженных кубатур Дворцовой, Адмиралтейской и Петровской площадей и доставая до Конногвардейского манежа. За малым исключением, все живописные и литографированные перспективы чрезвычайно близки по композиции, построенные с трибуны перед эзерциргаузом: в центре долгожданная колонна, подпирающая великолепное грозное небо и собирающая узор из гвардейских полков, слева Арка, справа Зимний дворец (рис. 12, 13). Гипнотическое любование эспланадой площадей, «храмами чистого зрения», «посвященными культу зрительного луча» [11] в повторяющихся приемах изображения, заставляет пересматривать понимание бесконечного простора как чисто эстетической ценности. О ее этических коннотациях можно судить по прямым репортажам с места событий. Так, В. А. Жуковский разглядел на ликующей Дворцовой площади «длинную тень колонны», которая

Рис. 6. А. Г. Денисов. Подъем Александровской колонны. 1832.
Источник: http://www.hellopiter.ru/Alexandria_pillar_pic.html

Рис. 7. Г. Г. Гагарин. Александрийская колонна в лесах. 1832–1833.
Источник: http://www.hellopiter.ru/Alexandria_pillar_pic.html

Рис. 8. Г. Г. Чернецов. Панорама Дворцовой площади, снятой с лесов Александровской колонны. 1834.
Источник: <http://www.liveinternet.ru/users/likona/post186555378>

Рис. 9. Г. Г. Чернецов. Панорама Дворцовой площади, снятой с лесов Александровской колонны. 1834.
Источник: <http://www.liveinternet.ru/users/likona/post186555378>

«неприметно продвигалась по светлomu дну ее, как будто знаменуя идущее время», а также триумф широт, в которых «под одними орлами и русский и поляк, и литовец и финн, и татарин и калмык, и черкес и боец закавказский <...> Не вся ли это Россия?» [7]. Помимо вертикально-горизонтального представления сакральных смыслов времени и пространства, Жуковский сделал упор на превосходстве данного исторического этапа предшествующему, символически противопоставив колонну известному монументу на скале, которая «извлечена из топи болот, где она была погребена в течение многих столетий» [7].

Рис. 10. Г. Г. Чернецов. Панорама Дворцовой площади, снятой с лесов Александровской колонны. 1834. Источник: <http://www.liveinternet.ru/users/likona/post186555378>

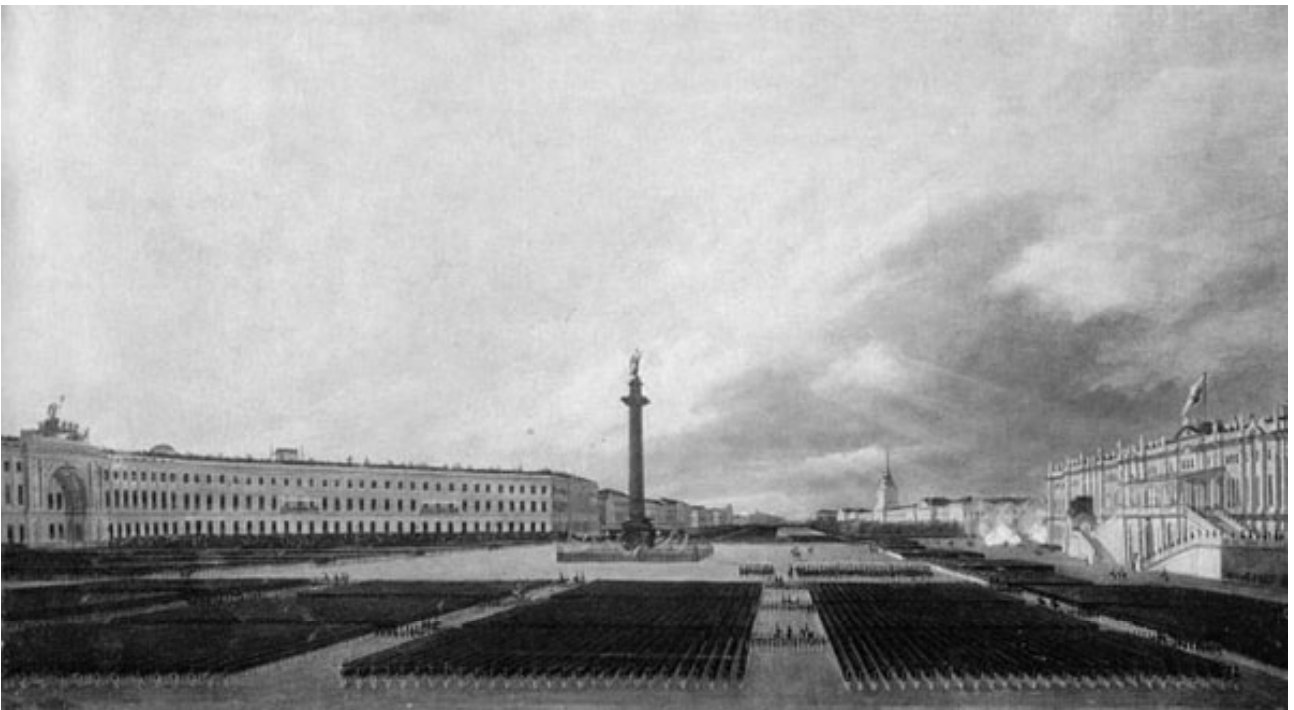

Рис. 11. В. Е. Раев. Парад 30 августа 1834 года на Дворцовой площади в Петербурге. Освящение Александровской колонны. 1834. Источник: http://www.hellopiter.ru/Alexandria_pillar_pic.html

Пушкин не был свидетелем событий, но думал о них: «Я был в отсутствии – выехал из Петербурга за 5 дней до открытия Александровской колонны, чтоб не присутствовать при церемонии вместе с камер-юнкерами, – моими товарищами <...> В Тарутине пьяные ямщики

Рис. 12. Г. Г. Чернецов, Н. Г. Чернецов. Парад по случаю открытия памятника Александру I в Санкт-Петербурге 30 августа 1834 г. 1839. Источник: http://www.hellopiter.ru/Alexandria_pillar_pic.html

Рис. 13. Л. П.-А. Бишбуа, А. Ж.-Б. Байо, с оригинала О. Монферрана. Парад 30 августа 1834 года на Дворцовой площади. 1836. Источник: http://www.hellopiter.ru/Alexandria_pillar_pic.html

Рис. 14. Л.-Ж.Арно, А.Ж.-Б.Байо, с оригинала О.Монферрана. Александровская колонна, Адмиралтейская и Исаакиевская площади. 1836. Источник: <http://coollib.com>

чуть меня не убили. Но я поставил на своем. – „Какие мы разбойники? – говорили мне они. – Нам дана вольность, и поставлен столп нам в честь“. Графа Румянцева вообще не хвалят за его памятник и уверяют, что церковь была бы приличнее. Я доволен с этим согласен. Церковь, а при ней школа, полезнее колонны с орлом и с длинной надписью, которую безграмотный мужик наш долго еще не разберет» [25]. Колонна с орлом, возникшая в контексте Александровской колонны, была сооружена на средства крестьян, освобожденных за это от крепостной неволи, в имении графа Румянцева, на рубеже спасительного тарутинского маневра. Она была открыта 25 июня 1834 г., и крестьянам, к числу которых принадлежали пьяные ямщики, празднующие вольность третий месяц, чести не прибавляла: церковь со школой была бы наверняка полезнее. Что касается облика колонны, то он, должно быть, виделся полной противоположностью эталонному памятнику простому [24]:

приземистая отливка, густо обвитая лавром и военной арматурой, с орлом на шаре в знаках зодиака, была водружена на высокую насыпь и на двухступенчатое каменное основание; длинная надпись состояла из 150 слов. В целом художественное качество колонны, как и качество архитектурных памятников, которых в загородных усадьбах было примерно вдвое больше, чем скульптурных, выдавало окончательную потерю классицистической нормы. Мода на античную героину, достигшая апогея на Дворцовой площади, привела к тому, что величественные формы все стремительнее уменьшались, обрезались, дробились, аллегии утрачивали семантическую оправданность, поиск формальной оригинальности вырождался в бездушное ремесло. Все чаще обелиски, колонны, пирамиды, вазы, урны, посвященные царственным гостям, друзьям, возлюбленным, вписывались в равнинно-холмистые пейзажи в гротесковом обличье. Так они были увидены на петербургском кладбище:

*На место праздных урн и мелких пирамид,
Безносых гениев, растрепанных харит
Стоит широко дуб над важными гробами,
Колeblesя и шумя... [28]*

Разумеется, приговор нелепой колонне с орлом выдавал раздражение поэта от Александровской колонны. Однако не от «фаллоцентрического», насильственного элемента» [37] как такового и не от подпорченной репутации благородного архитектурного архетипа, а от манипуляций власти с ее театрализованными языческими ритуалами – сначала поставить столп, потом столп сломать [27]:

*Иная, лучшая потребна мне свобода:
Зависеть от царя, зависеть от народа... [26]*

Как полагал А. Ф. Лосев, ритуалы, естественный атрибут мифологии, направлены на воплощение нового смысла события. Сила ритуала заключается в том, что «воплощение нового

Рис. 15. В. Е. Раев. Александровская колонна во время грозы. 1834. Источник: <http://artpoisk.info>

свое творение на фоне несуществующего купола Исаакиевского собора (рис. 14), нельзя не заметить, что атмосфера вокруг каменного ствола порождала не только исторический оптимизм. Нередко она сгущалась, даже демонизировалась (рис. 15). Экспрессия, все более нагнетаемая в изображении вертикали всепобеждающей империи, ждала адекватной вербализации. Все верноподданнически декларируя по поводу открытия колонны в стихах и прозе не справились со смыслами ее современности, довольствуясь противопоставлением прошлому. Как писала С. С. Шведова, в такие периоды поверхностное течение искусства, пытаясь «означить новое посредством известного, ... накапливает потенциал для смысловых “взрывов”...» [39]. «Взрыв» случился. Через два года после открытия Александровской колонны Пушкин расставит габариты действия нового стихотворения в тех же широтах, что и Жуковский:

*Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгус, и друг степей калмык [31].*

В тексте, оттолкнувшемся или не оттолкнувшемся от державной риторики Жуковского, использовались глаголы не «идушего», а будущего времени. В параллель вертикали мирской власти, удерживающей целостность государства, поэт поднял другую вертикаль. На картину всенародной сплоченности и ликования он ответил картиной подлунного мира, в которой Русь великая, сведенная к народной тропе, добровольно объединяется силой слова, вознесшегося выше Александрийского столпа. В вертикально-горизонтальной крестообразности, таким образом, восславила свобода. В ответ на стиль и жанр мифологии власти была намечена перспектива свободы, начало протестной мифологии русского романтизма:

смысла изменяет свойства предмета» [14]. В данном случае, ритуалы, воплощающие смысл архитектурного пространства как смысл новейшей истории, изменяли его свойства. Если до них Дворцовая площадь была интересна публике военными смотрами и Немецким театром, то после стала стихийным средоточием народного единения в триумфе России. Ритуалы по возведению Александровской колонны активизировали эпические запасы массового энтузиазма, показав жанровую стратегию творимой мифологии, эпос имперского, мессианского миропорядка.

Миф направляет архитектуру, но и архитектура направляет миф. Художники и литераторы во главе с Жуковским, вдохновленные ампишной осью, идеально вписавшейся в арку Генерального штаба, интерпретировали эпические смыслы, уже заданные К. И. Росси, О. Монферраном, Б. И. Орловским, Дж.-Б. Скотти, А. Н. Олениным, П. В. Свинцовым, И. Леппе. Однако, сверяясь с Монферраном, любившим показывать

*Нет, весь я не умру — душа в заветной лире
 Мой прах переживет и тленья убежит —
 И славен буду я, доколь в подлунном мире
 Жив будет хоть один пиит [31].*

Парадоксально, что никак не описанный, к тому же декларативно отринутый, преодоленный Александрийский столп накалил литературоведческую полемику о прототипе противопоставления памятнику до упора в историю древней и античной архитектуры с серьезными формально-композиционными выкладками. Именно памятник спровоцировал романтический по сути вопрос: «Как трансформируются те или иные смыслы при переводе с языка визуальных искусств на язык литературы; в какой мере это соотношение языков зависит от литературных и внелитературных факторов» [39]?

В русской культуре передача свободы на бескорыстных высотах поэзии объективно приостановилась в конце 1830-х гг., на эпохе, именуемой по известной фамилии. Благодаря Александровской колонне, метафорическая вертикаль надматериальной поэзии выводится не только из Горация и Державина, но и беспрецедентно, из контуров конкретного архитектурного пространства. Более того, гранитный символ имперской власти на Дворцовой площади символизирует и протестную мифологию свободы, стихию русского романтизма.

Выводы

1. Герменевтическая реконструкция мифа по изобразительно и литературно запечатленной истории возведения Александровской колонны на Дворцовой площади представила архитектурное пространство как предмет мифа, зависимого от диалектики его эстетических и этических потенциалов. Феноменология, извлеченная из архитектурного пространства, явила первичную феноменологию мифа Санкт-Петербурга, мифологии власти, занятой прославлением настоящего истории.

2. Александровская колонна, ставшая сакральным смыслом и формальным центром режиссируемых ритуалов, активизировала эпические запасы массового энтузиазма. Понимание их жанра, подогнанного к эстетике Дворцовой площади, выводит к пониманию жанра мифологии власти, осмысляющей свой триумф в истории страны и мира. Через стиль архитектурного пространства мифология власти обозначила себя как жанр, эпос всемирного мессианства.

3. Обстоятельства возведения Александровской колонны провоцировали романтизм на сопротивление внедряемому единомыслию по отношению к триумфу мирской власти, втягивали в диалог, чтобы оттолкнуть. В частности, они стали поводом для пушкинского монолога о свободе и объединяющей силе слова. В ответ на мессианство имперского миропорядка с его языческими, по сути, ритуалами рождалась вторая половина мифа Санкт-Петербурга, протестная мифология свободы.

Заключение

Вопреки уверениям У. Эко в том, что архитектура «не является ни означающим, ни коммуникационным медиумом» [40], ее прочтение в образе Санкт-Петербурга находит предсказуемые крайности понимания, поскольку вписывается в мифологические традиции. Используя ресурс архитектуры, одна из них целенаправленно взращивалась властью, другая выросла спонтанно – из романтического идеала свободы, утопии, связывая то, что позади, и то, что «впереди, в будущем, как зов» [23]. Апологетика и критика, порожденные одним и тем же архитектурным пространством, представляют две неразрывные половины мифа Санкт-Петербурга.

Примечания

¹Здесь и далее выделены курсивом цитаты из текстов А.С. Пушкина, а также слова в значении цитат, приведенных по изданию: Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 10 т. Л.: Наука, 1977–1979.

²См. также: Каганов Г. З. Образы городской среды в массовом сознании и искусстве. – М.: Москва, 1999; Каганов Г. З. Проблемы поэтики городской среды.// Городская среда. Дизайн. Архитектура. – М.: ВНИИТАГ, 1990. – С. 38. Каганов Г. З. Образы городской среды в массовом сознании и искусстве. – М.: Москва, 1999;

³См. также: Азизян И. А. Диалог искусств XX века: Очерки взаимодействия искусств в культуре. – М.: ЛКИ, 2008; Азизян И. А. Философские вопросы рассмотрения взаимосвязи архитектуры и культуры – М.: Интерпракс, 1994; Вопросы теории архитектуры: Архитектура и культура России в XXI веке. – М.: Либроком, 2009.

Библиография

1. Азизян, И. А. «Образ мира» и «картина мира» как методологическая категория / И. А. Азизян // Вопросы теории архитектуры: Образ мира в архитектуре. – М.: НИИТАГ РААСН, 1995.
2. Барсуков, С. Г. и др. Предварительные замечания к проблеме «эмблема–символ–миф» в культуре XVIII столетия / С. Г. Барсуков // Актуальные проблемы семиотики. – Тарту, 1987. – С. 86.
3. Башляр, Г. Поэтика пространства/ Г. Башляр. – М.: Ad Marginem, 2014. – С. 23.
4. Вильк, Е. А. Сакральный город: основной сюжет Петербургской мистерии / Е. А. Вильк // Феномен Петербурга. – СПб: Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ», 2000. – С. 37.
5. Евлампиев, И. И. Петербург, Москва, Рим: взаимосвязь культурных мифов (город как смыслообразующий центр культуры) / И. И. Евлампиев // Человек и город: пространства, формы, смысл. – Т. 2. Екатеринбург, 1998. – С. 215.
6. Ермолин, Е. А. Миф и город, городская среда [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.academia.edu/1508723> (22. 01. 2013)
7. Жуковский, В. А. Воспоминание о торжестве 30-го августа 1834 года / В. А. Жуковский. – М.: Книга по Требованию, 2012. – С.7.
8. Иванов, В. Вс. К истории поэтики Пастернака футуристического периода [Электронный ресурс]. – URL: <http://kogni.narod.ru/pasternak2.htm> (2. 11. 2013)
9. Иконников, А. В. Историзм в архитектуре. – М.: Стройиздат, 1997
10. Каганов, Г. З. Какой город! Какая река! / Г. З. Каганов // Декоративное искусство СССР. – № 6, 1985. – С. 36.
11. Каганов, Г. З. Санкт-Петербург. Образы пространства / Г. З. Каганов. – СПб: Изд-во Ивана Лимбаха, 2004.
12. Калинин, И. А. «Петербургский текст» московской филологии [Электронный ресурс]. – URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2010/2/ka27.html> (5. 02. 2015).
13. Кияненко, К. В. О феномене, структуре и духе места у К. Норберг-Шульца [Электронный ресурс]. – URL: <http://archvestnik.ru/ru/magazine/av-3-102-2008/o-fenomene-strukture-i-d... knorberg-shultsa>
14. Лосев, А.Ф. Диалектика мифа // Лосев А.Ф. Миф. Число. Сущность.– М.: Мысль, 1994. – С. 8–9.
15. Лосев, А. Ф. Философия имени // А. Ф. Лосев. – М.: Академический Проект, 1990. – С. 142.
16. Лотман, Ю. М., Минц З. Г. Литература и мифология // Семиотика культуры. Труды по знаковым системам. XIII. – Тарту, 1981. – С. 45.
17. Лотман, Ю. М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города / Ю. М. Лотман // Избранные статьи: В 3 т. – Таллин: Александра, 1992. – Т. 2. – С. 14.
18. Лурье, Л. Я. Пять мифов Петербурга [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gif.ru/texts/txt-lurie-5mifov/city_876/fah_1201/ (31.08.2010)

19. Максutow, И. Х. Реконструкция нарративных слоев мифа о грехопадении в быт [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.torchinov.com> (19. 07. 2015)
20. Маркузон, В. Ф. О закономерностях развития и семантике архитектурного языка [Электронный ресурс]. – URL: http://niitiag.ru/markuz100_05.html (12. 04. 2015)
21. Осаченко, Ю. С. Введение в философию мифа / Ю. С. Осаченко. – М.: Интерпракс, 1994. – С. 115.
22. Подорога, В. А. Что такое nature morte [Электронный ресурс]. – URL: <http://theoryandpractice.ru/posts/7967-podoroga>
23. Померанц, Г. С. Национальная идея: утопия или реальность, средство или цель? Шестые Максимовские чтения // Русский журнал [Электронный ресурс] – URL: <http://magazines.russ.ru/continent/2006/128/shes9.html> (15. 07. 2015)
24. Пушкин, А. С. Воспоминание в Царском селе. – Т. I. – С. 71.
25. Пушкин, А. С. Дневники. 28 ноября 1834 // ПСС: в 10 т. – Т. VIII. – С. 42.
26. Пушкин, А. С. Из Пиндемонти // ПСС: в 10 т. – Т. III. – С. 336.
27. Пушкин, А. С. История Петра. Подготовительные тексты // ПСС: в 10 т. – Т. IX. – С. 19–24.
28. Пушкин, А. С. Когда за городом, задумчив, я брожу // ПСС: в 10 т. – Т. III. – С. 338.
29. Пушкин, А. С. Сказка о царе Салтане // ПСС: в 10 т. – Т. IV. – С. 320.
30. Пушкин, А. С. Скупой рыцарь // ПСС: в 10 т. – Т. V. – С. 295.
31. Пушкин, А. С. Я памятник себе воздвиг нерукотворный // ПСС: в 10 т. – Т. III. – С. 340.
32. Пятигорский, А.М. Мифологические размышления [Электронный ресурс]. – URL: http://teneta.rinet.ru/rus/pe/pyatigorsky_mr11.htm
33. Раппапорт, А. Г. К пониманию архитектурной формы [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.archi.ru/lib/publication.html?id=1850569398&fl=5&sl=2>
34. Рикёр, П. Конфликт интерпретаций: Очерки о герменевтике / П. Рикёр. – М., 1995.
35. Стеклова, И. А. Ампи́р как стиль мифологии власти [Электронный ресурс] // Архитектон: известия вузов. – 2015. – № 50. – URL: http://archvuz.ru/2015_2/10
36. Топоров, В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. – М.: Прогресс – Культура, 1995. – С. 259–367.
37. Уваров, М. С. Поэтика Петербурга. Очерки по философии культуры / М. С. Уваров. – СПб.: СПбГУ, 2011. – С. 75.
38. Цит. по: Чеканова, О. А., Рогач, А. Л. Огюст Монферран. – Л.: Стройиздат, 1990. – С. 211.
39. Шведова, С. О. Александровская колонна в пространствах поэзии, идеологии, истории [Электронный ресурс]. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/aleksandrovskaya-kolonna-v-prostranstva...>
40. Цит. по: Donougho, M. The Language of Architecture // Journal of Aesthetic Education. Vol. – 21. – No. 3 (Autumn, 1987). – P. 60.

Произведение «АЛЕКСАНДРОВСКАЯ КОЛОННА МЕЖДУ ВЛАСТЬЮ И СВОБОДОЙ», созданное автором по имени Стеклова Ирина Алексеевна, публикуется на условиях лицензии Creative Commons «Attribution-NonCommercial-ShareAlike» («Атрибуция — Некоммерческое использование — На тех же условиях») 4.0 Всемирная. Разрешения, выходящие за рамки данной лицензии, могут быть доступны на странице I_steklo60@mail.ru.

Стеклова Ирина Алексеевна
кандидат искусствоведения, доцент,
Пензенский государственный архитектурно-строительный университет,
Пенза, Россия, e-mail: i_steklo60@mail.ru

Статья поступила в редакцию 28.05.2015
Электронная версия доступна по адресу: http://archvuz.ru/2015_3/10

© И.А. Стеклова 2015
© УралГАХА 2015

SAINT PETERSBURG VERTICALS BETWEEN POWER AND FREEDOM

Steklova Irina A.

PhD (Art Studies), Associate Professor,
 Penza State University of Architecture and Civil Engineering,
 Penza, Russia, e-mail: i_steklo60@mail.ru

Abstract

The author presents St. Petersburg as the flagship of the Russian state's regular transformations which gave birth to regular mythology. The history of St. Petersburg is shown to have sublimated into the metaphysics of history, dating back to the ancient heroics by the myth. Thus, the history of Alexander Column in Palace Square in St. Petersburg illustrates the mythologizing strategy of statehood continuity from antiquity, surrounded with superlatives. Alexander Column was real proof of the Empire's power over the world, causing massive enthusiasm. Alexander Pushkin contrasted it to "monument without hands" as a speculative vertical of freedom, combining horizontal space. It marked the beginning of the freedom mythology. In particular, it is reflected in the literary debates on the prototype of the "monument without hands" opposition, which indirectly confirms the romantic understanding of architecture as concentrate symbols of the history in the second quarter of the 19th century.

Key words

architectural space of St.-Petersburg, the myth of St.-Petersburg, romanticism, Alexander Pushkin

References

1. Azizyan, I.A. (1995) «Image of the world» and «Picture of the world» as a methodological category. In: Issues in theory of architecture: Image of the world in architecture. Moscow: NIITAG RAASN, 1995. (in Russian)
2. Barsukov, S.G. et al. (1987) Preliminary notes on the issue of «Emblem-Symbol-Myth in 18th century culture. In: Current Issues in Semiotics. Tartu. (in Russian)
3. Bashlyar, G. (2014) The Poetics of Space. Moscow: Ad Marginem. (in Russian)
4. Vil'k, E.A. (2000) The Sacral City: the Main Plot of the Petersburg Mystery. In: The Phenomenon of Petersburg. Saint-Petersburg: Russian-Baltic information centre «BLIZ». (in Russian)
5. Evlampiyev, I.I. (1998) Petersburg, Moscow, Rome: interrelation of cultural myths (the city as a meaningful centre of culture). In: The Person and the City: Spaces, Forms, Meaning. Vol. 2. Ekaterinburg. (in Russian)
6. Yermolin, E.A. The Myth and the City [Online]. Available from: <http://www.academia.edu/1508723> (22. 01. 2013) (in Russian)
7. Zhukovsky, V.A. (2012) Reminiscence of the celebration on 30 August 1834. Moscow: Kinga po trebovaniyu. (in Russian)
8. Ivanov, V.Vs. Towards the history of Pasternak's poetics of the futuristic period [Online]. Available from: <http://kogni.narod.ru/pasternak2.htm> (2. 11. 2013) (in Russian)
9. Ikonnikov, A.V. (1997) Historicism in Architecture. Moscow: Stroyizdat. (in Russian)
10. Kaganov, G.Z. (1985) What a city! What a river! Decorative art of the USSR. No. 6. P. 36. (in Russian)
11. Kaganov, G.Z. (2004) Saint-Petersburg. Images of the space. Saint-Petersburg: Ivan Limbakh's publishing house. (in Russian)
12. Kalinin, I.A. The «Petersburg text» of Moscow philology [Online]. Available from: <http://magazines.russ.ru/nz/2010/2/ka27.html> (5. 02. 2015). (in Russian)
13. Kiyanenkov, K.V. On the phenomenon, structure and spirit of a place in Ch.Norberg-Schulz writings [Online]. Available from: <http://archvestnik.ru/magazine/av-3-102-2008/o-fenomene-strukture-i-d...knorberg-shulsta> (in Russian)
14. Losev, A.F. (1994) The Dialectics of the Myth. In: Myth. Number. Essence. Moscow: Mysl. P. 8-9 15. (in Russian)
15. Losev, A.F. (1990) The Philosophy of the Name. Moscow: Akademicheskyy Project. (in Russian)
16. Lotman, Yu.M, Minz, Z.G. (1981) Literature and Mythology. In: Semiotics of culture. Proceedings on sign systems. XIII. Tartu. (in Russian)

17. Lotman, Yu.M. (1992) The Symbolism of Petersburg and Issues in the Semiotics of the City. Selected articles: In 3 vol. Tallinn: Alexandra. Vol. 2. P. 14. (in Russian)
18. Lurye, L.Ya. Five Myths of Petersburg [Online]. Available from: http://www.gif.ru/texts/txt-lurie-5mifov/city_876/fah_1201/ (31.08.2010) (in Russian)
19. Maksutov, I.Kh. Reconstruction of the Narrative Layers of the Myth of the Fall from Grace into Daily Life [Online]. Available from: <http://www.torchinov.com> (19. 07. 2015) (in Russian)
20. Markuzon, V.F. On laws of development and semantics of architectural language [Online]. Available from: http://niitiag.ru/markuz100_05.html (12. 04. 2015) (in Russian)
21. Osachenko, Yu.S. (1994) Introductoin to the philosophy of myth. Moscow: interpraxis. P.115 (in Russian)
22. Podoroga, V.A. What is nature morte [Online]. Available from: [http:// theoryandpractice.ru/posts/7967-podoroga](http://theoryandpractice.ru/posts/7967-podoroga) (in Russian)
23. Pomerants, G.S. The National Idea: a Utopia or a Reality, a Means or an End? The Sixth Maximov Readings. Russky Zhurnal [Online] Available from: <http://magazines.russ.ru/continent/2006/128/shes9.html> (15. 07. 2015) (in Russian)
24. Pushkin, A.S. Reminiscences at Tsarskoye Selo. Vol. I. P. 71. (in Russian)
25. Pushkin, A.S. Diaries. 28 November 1834. Complete collection of works: in 10 vol. Vol. VIII. P. 42. (in Russian)
26. Pushkin, A.S. From Pindemonti. Complete collection of works: in 10 vol. Vol. III. P. 336. (in Russian)
27. Pushkin, A.S. A History of Peter. Preparatory texts. Complete collection of works: in 10 vol. Vol. IX. P. 19–24. (in Russian)
28. Pushkin, A.S. When out of town, absorbed in thought I'm wandering around. Complete collection of works: in 10 vol. Vol. III. P. 338. (in Russian)
29. Pushkin, A.S. The Tale of Tsar Saltan. Complete collection of works: in 10 vol. Vol. IV. P. 320. (in Russian)
30. Pushkin, A.S. The Covetous Knight. Complete collection of works: in 10 vol. Vol. V. P. 295. (in Russian)
31. Pushkin, A.S. A monument not hand-made I have for me erected. Complete collection of works: in 10 vol. Vol. III. P. 340. (in Russian)
32. Pyatigorsky, A.M. Mythological reflections [Online]. Available from: http://teneta.rinet.ru/rus/pe/pyatigorsky_mrl1.htm (in Russian)
33. Rappaport, A.G. Towards an understanding of architectural form [Online]. Available from: <http://www.archi.ru/lib/publication.html?id=1850569398&fl=5&sl=2> (in Russian)
34. Ricœur, P. (1995) The Conflict of Interpretations: Essays in Hermeneutics. Moscow. (in Russian)
35. Steklova, I.A. (2015) Empire as a style of state power mythology [Online]. Architecton: Proceedings of Higher Education. No. 50. Available from: http://archvuz.ru/2015_2/10 (in Russian)
36. Toporov, V.N. (1995) Myth. Ritual. Symbol. Image: Research into the mytho-poetical: Selected works. Moscow: Progress–Kultura. P. 259–367. (in Russian)
37. Uvarov. M.S. (2011) The Poetics of Petersburg. Essays on the philosophy of culture. Saint-Petersburg: SPbGU. P. 75. (in Russian)
38. Chekanova, O.A., Rotach, A.L. (1990) Auguste de Montferrand. Leningrad: Stroyizdat. P. 211.
39. Shvedova, S.O. Alexander Column in the spaces of poetry, ideology, history [Online]. Available from: <http://cyberleninka.ru/article/n/aleksandrovskaya-kolonna-v-prostranstva...> (in Russian)
40. Donougho, M. The Language of Architecture. Journal of Aesthetic Education. Vol. 21. No. 3 (Autumn, 1987). P. 60.